

ВЛАДИМІРЪ МАЯКОВСКІЙ

**ПРОСТОЕ
КАКЪ
МЫЧАНІЕ**

ПЕТРОГРАДЪ
Издательство „ПАРУСЪ“ А. Н. Тихонова
1916.

Типографія Т-ва
Петроградъ,

А. Ф. МАРКСЪ.
Измайл. пр., 29.

КО ВСЕЙ КНИГѢ.

Л. Ю. Б.

Нѣтъ.
Это неправда.
Нѣтъ!
И ты?
Любимая,
за что,
за что же?!
Хорошо—
я ходилъ,
я дарилъ цвѣты,
я жъ изъ ящика не выкралъ серебряныхъ ложекъ!

Бѣлый
сшатался съ пятого этажа.
Вѣтеръ щеки ожегъ.
Улица клубилась, визжа и ржа;
Похотливо взлазилъ рожокъ на рожокъ.

Вознесъ надъ суетой столичной одури
сторогое—
древнихъ иконъ—
чело.

На тѣлѣ твоємъ—какъ на смертномъ одрѣ—
сердце
дни
кончило.

Въ грубомъ убійствѣ не пачкала рукъ ты.
Ты
уронила только:
„Въ мягкой постели
Онъ,
фрукты,
вино на ладони ночного столика“.

Любовь!
Только въ моемъ
воспаленномъ
мозгу была ты!
Глупой комедіи остановите ходъ!
Смотрите—
срываю игрушки-латы
я
величайшій Донъ-Кихотъ!

Помните:
подъ ношей креста
Христось
секунду
усталый сталъ.
Толпа орала:
„Марала!
Маррррала!
Мааарррааала!“

Правильно!

Каждого,
 кто
 объ отдыхъ взмолится,
 оплюй въ его весеннемъ днѣ!
 Арміи подвижниковъ обреченнымъ добровольцамъ
 отъ человѣка пощады нѣтъ!

Довольно!

Теперь—
 клянусь моей языческой силою!—
 дайте
 любую,
 красивую,
 юную,—
 души не растрочу,

и въ сердце насмѣшку плюну ей!

Око за око!

Сѣвы мести въ тысячу кратъ жни!
 Въ каждое ухо ввой:
 вся земля—
 каторжникъ
 съ наполовину выбритой солнцемъ головой!

Око за око!

Убьете,
 похороните,—
 выроюсь!
 Объ камень обточатся зубовъ ножи еще!
 Собакой забьюсь подъ нары казармы!

Буду
бѣшенный
вгрызаться въ ножища,
пахнушія потомъ и базаромъ.

Ночью вскочите!
Я
звалъ!
Бѣлымъ быкомъ возросъ надъ землей:
Муууу!
Въ ярмо замучена шея язва,
надъ язвой смерчи мухъ.

Лосемъ обернусь,—
въ провода
впутая голову вѣтвистую,
съ налитыми кровью глазами,
Да!
Затравленнымъ звѣремъ надъ міромъ выстою.

Не уйти человѣку!
Молитва у рта,—
легъ на плиты просящъ и грязень онъ.
Я возьму,
намалюю

Солнце! лучей не кинь!
Сохните рѣки, жажду утолить не давъ ему,—
чтобъ тысячами рождались мои ученики
трубить съ площадей анаѹему!

Когда
 наконецъ,
 на вѣковъ верхи ставъ,
 послѣдній выйdetъ день имъ,
 въ черныхъ душахъ убійцъ и анархистовъ
 зажгусь кровавымъ видѣніемъ!

Свѣтаетъ.
 Все шире разверзается неба ротъ.
 Ночь
 пьетъ за глоткомъ глотокъ онъ.
 Отъ оконъ зарево.
 Отъ оконъ жаръ течетъ.
 Отъ оконъ густое солнце льется на спящій городъ.

Святая мeсть моя!
 Опять
 надъ уличной пылью
 ступенями строкъ ввысь поведи!
 До края полное сердце
 вылью
 въ исповѣди!

Грядущіе люди!
 Кто вы?
 Вотъ—я,
 весь
 боль и ушибъ;
 вамъ завѣщаю я садъ фруктовый
 моей великой души!

Я.

По мостовой
моей души изъѣзженной
шаги помѣшанныхъ
вьютъ жесткихъ фразъ пяты.
Гдѣ города
повѣшены
и въ петлѣ облака
застыли
башенъ
кривыя выи,—
иду
одинъ рыдать,
что перекресткомъ
распяты
городовые

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О МОЕЙ ЖЕНѢ.

Морей невѣдомыхъ далекимъ пляжемъ,
идеть луна—
жена моя.

Моя любовница рыжеволосая.

За экипажемъ

крикливо тянется толпа созвѣздій пестрополосая.

Вѣнчается съ автомобильнымъ гаражемъ,

цѣлуется съ газетными кіосками,

а шлейфа млечный путь моргающимъ пажемъ украшенъ
мишурными блестками.

А я?

Несло же, палимому, бровей коромысло
изъ глазъ колодцевъ студеныхъ ведра.

Въ шелкахъ озерныхъ ты висла,

янтарной скрипкой пѣли бедра?

Въ края, гдѣ злоба крышъ,

не кинешь блесткой лѣсни.

Въ бульварахъ я тону тоской песковъ овѣянъ:

Вѣдь это жъ дочь твоя

моя пѣсня

въ чулкѣ ажурномъ

у кофеень!

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О МОЕЙ МАМѢ.

У меня есть мама на васильковыхъ обояхъ.
 А я гуляю въ пестрыхъ павахъ,
 вихрастыя ромашки шагомъ мѣряя мучу.
 Заиграетъ вечеръ на гобояхъ ржавыхъ,
 подхожу къ окошку,
 вѣря,
 что увижу опять
 сѣвщую
 на домъ
 тучу.
 А у мамы больной
 пробѣгаютъ народа шорохи
 отъ кровати до угла пустого.
 Мама знаетъ
 это мысли сумасшедшей ворохи
 вылѣзаютъ изъ-за крышъ завода Шустова.
 И когда мой лобъ, вѣнчанный шляпой фетровой,
 окровавить гаснущая рама,
 я скажу,
 раздвинувъ басомъ вѣтра вой:
 „Мама“.
 Если станетъ жалко мнѣ
 вазы вашей муки,
 сбитой каблуками облачнаго танца—
 кто же изласкаетъ золотыя руки
 вывѣской заломленныя у витринъ Аванцо?..

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБО МНѢ САМОМЪ.

Я люблю смотрѣть какъ умирають дѣти.
 Вы при боя смѣха мгlistый валь замѣтили
 за тоски хоботомъ?
 А я—
 въ читальнѣ улицъ—
 такъ часто перелистывалъ гроба томъ.
 Полночь
 промокшими пальцами щупала
 меня
 и забитый заборъ,
 и съ каплями ливня на лысинѣ купола
 скакалъ сумасшедшій соборъ.
 Я вижу — бѣжалъ,
 хитона овѣтренный край
 цѣловала плача слякоть.
 Кричу кирпичу,
 словъ изступленныхъ вонзаю кинжалъ
 въ неба распушаго мякоть
 „Солнце!“
 „Отецъ мой!“
 „Сжался хоть ты и не мучай!“
 Это тобою пролитая кровь моя льется дорогою дольней.
 Это душа моя
 ключьями порванной тучи
 въ выжженномъ небѣ
 на ржавомъ крестѣ колокольни!
 Время!
 Хоть ты, хромой богомазь,
 ликъ намалюй мой
 въ божницу уродца вѣка!
 Я одинокъ, какъ послѣдній глазъ
 у идущаго къ слѣпымъ человѣка!

КРИЧУ КИРПИЧУ.

ПОСЛУШАЙТЕ!

Послушайте!

Вѣдь, если звѣзды зажигають—

значить—это кому-нибудь нужно?

Значить—кто-то хочетъ, чтобы онѣ были?

Значить—кто-то называетъ эти плевочки жемчужиной?

И надрываясь

въ метеляхъ полуденной пыли

врывается къ Богу,

боится, что опоздалъ,

плачетъ,

цѣлуетъ ему жилистую руку,

просить—

чтобъ обязательно была звѣзда!—

клянется—

не перенесетъ эту беззвѣздную муку!

А послѣ

ходить тревожный,

но спокойный наружно,

говорить кому-то:

„Вѣдь теперь тебѣ ничего?

Не страшно?

Да?“

Послушайте!

Вѣдь, если звѣзды

зажигаютъ—

значить—это кому-нибудь нужно?

Значить—это необходимо,

чтобы каждый вечеръ

надъ крышами

загоралась хоть одна звѣзда?!

АДИЩЕ ГОРОДА.

Адище города окна разбили
на крохотные, сосущіе свѣтами, адки.
Какъ рыжіе дьяволы, вздымались автомобили,
надъ самымъ ухомъ взрывая гудки.
А тамъ подъ вывѣской, гдѣ сельди изъ Керчи—
сбитый старикашка шарилъ очки
и заплакалъ, когда въ вечерѣющемъ смерчѣ
трамвай съ разбѣга взметнулъ зрачки.
Въ дырахъ небоскребовъ, гдѣ горѣла руда
и желѣзо поѣздовъ громоздило лазь,—
крикнулъ аэропланъ и упалъ туда,
гдѣ у раненаго солнца вытекалъ глазъ.
И тогда уже—скомкавъ фонарей одѣяла—
ночь излюбилась похабна и пьяна,
а за солнцами улицъ гдѣ-то ковыляла
никому ненужная, дряблая луна.

ОТЪ УСТАЛОСТИ.

Земля!

Дай исцѣлю твою лысѣющую голову
лохмотьями губъ моихъ въ пятнахъ чужихъ позолотъ.

Дымомъ волосъ надъ пожарами глазъ изъ олова
дай обовью я впалыя груди болотъ.

Ты! Насъ—двое

ораненныхъ загнанныхъ ланями,
вздыбилось ржанье осѣдланныхъ смертью коней,
дымъ изъ-за дома догонитъ насъ длинными дланями,
мутью озлобивъ глаза догнивающихъ въ ливняхъ огней.

Сестра моя!

Въ богадѣльняхъ идущихъ вѣковъ,
можетъ-быть, мать мнѣ сыщется;
бросилъ я ей окровавленный пѣснями рогъ.

Квакая, скачетъ по полю

канава, зеленая сыщица,

насъ заневолить

веревками грязныхъ дорогъ.

А ВСЕ-ТАКИ.

Улица провалилась, какъ носъ сифилитика.
Рѣка—сладострастье, растекшееся въ слюни.
Отбросивъ бѣлье до послѣдняго листика,
сады похабно развалились въ іюнѣ.
Я вышелъ на площадь,
выжженный кварталъ
надѣлъ на голову, какъ рыжій парикъ.
Людямъ страшно—у меня изо рта
шевелить ногами непрожеванный крикъ.
Но меня не осудятъ, но меня не облаютъ,
какъ пророку, цвѣтами устелятъ мнѣ слѣдъ.
Всѣ эти провалившіеся носами знаютъ:
я—вашъ поэтъ.
Какъ трактиръ, мнѣ страшенъ вашъ страшный судъ!
Меня одного сквозь горящія зданія
проститутки, какъ святыню, на рукахъ понесутъ
и покажутъ Богу въ свое оправданіе.
И Богъ заплачетъ надъ моею книжкой!
Не слова—судороги, слипшіяся комомъ;
и побѣжитъ по небу съ моими стихами подъ мышкой
и будетъ, задыхаясь, читать ихъ своимъ знакомымъ.

ЛЮБОВЬ.

Дѣвушка пугливо куталась въ болото,
ширились зловѣще лягушечьи мотивы,
въ рельсахъ колебался рыжеватый кто-то,
укорно въ букляхъ проходили локомотивы.
Въ облачныя пары сквозь солнечный угаръ
врѣзалось бѣшенство вѣтряной мазурки,
и вотъ я—озноенный іюльскій тротуаръ—
а женщина поцѣлуи бросаетъ какъ окурки.
Бросьте города, глупые люди!
Идите голые лить на солнцепекъ
пьяныя вина въ мѣха груди,
дождь поцѣлуи въ угли щеки?

ГИМНЪ ЗДОРОВЬЮ.

Среди тонконогихъ, жидкихъ кровью
трудомъ поворачивая шею бычью,
на сытый праздникъ тучному здоровью
людей изъ мяса я зычно кличу!
Чтобъ бѣшеной пляской землю овить
скучную, какъ банка консервовъ,
давайте весеннихъ бабочекъ ловить
сѣтью ненужныхъ нервовъ!
И по камнямъ острымъ, какъ глаза ораторовъ,
красавцы отцы здоровыхъ томовъ
поташимъ мордами умныхъ психіатровъ
и бросимъ за рѣшетки сумасшедшихъ домовъ!
А сами сквозь городъ изсохшій, какъ Онанія,
съ толпой фонарей желтолицыхъ, какъ скопцы,
голоднымъ самкамъ накормимъ желанія,
поросшіе шерстью красавцы—самцы!

ВЫВЪСКАМЪ.

Читайте желѣзныя книги!
Подъ флейту золоченной буквы
полѣзутъ копченые сиви
и золотокудряя брюквы.
А если веселостью песьей
закружать созвѣздія „магги“ —
бюро похоронныхъ процессій
свои проведутъ саркофаги.
Когда же, хмурь и плачевень,
загасить фонарные знаки,
влюбляйтесь подъ небомъ харчевень
въ фаянсовыхъ чайниковъ маки!

ЗА ЖЕНЩИНОЙ.

Раздвинувъ локтемъ тумана дрожжи,
цѣдилъ бѣлила изъ черной фляжки,
и бросивъ въ небо косыя вожжи,
качался въ тучахъ сѣдой и тяжкій.
Въ расплавѣ мѣди домовъ полуда,
дрожанья улицъ едва хранимы,
дразнимы краснымъ покровомъ блуда,
рогами въ небо вонзались дымы.
Вулканы бедра за льдами платій,
колосья грудей для жатвы спѣлы.
Отъ тротуаровъ съ ужимкой татей
ревниво взвились тупыя стрѣлы.
Вспугнувъ копытомъ молитвы высей
арканомъ въ небѣ поймали _____
и, ощипавши, съ улыбкой крысьей,
глумясь, тащили сквозь щель порога.
Востокъ замѣтилъ ихъ въ переулкѣ,
гримасу неба отбросилъ выше
и, выдравъ солнце изъ черной сумки,
ударилъ злобно по ребрамъ крыши.

КОЕ-ЧТО ПРО ПЕТРОГРАДЪ.

Слѣзають слезы съ крыши въ трубы,
къ рукѣ рѣки чертя полоски;
а въ неба свившіяся губы
воткнули каменные соски.

И небу—стихши—ясно стало:
Туда, гдѣ моря блещетъ блюдо,
сырой погонщикъ гналъ устало
Невы двугорбаго верблюда.

ЕЩЕ ПЕТРОГРАДЪ.

Въ ушахъ обрывки теплаго бала,
а съ сѣвера—снѣга сѣдѣй—
туманъ, съ кровожаднымъ лицомъ каннибала,
жеваль не вкусныхъ людей.
Часы нависали, какъ грубая брань,
за пятымъ нависъ шестой.
А съ неба смотрѣла какая-то дрянь
величественно, какъ Левъ Толстой.

ТЕАТРЫ.

Разсказъ о взлѣзшихъ на подмостокъ
аршинной буквою графишъ,
и зазываютъ въ вечеръ съ досокъ
зрачки малеванныхъ афишъ.
Автомобиль подкрасилъ губы
у блеклой женщины Карьера,
а съ прилетавшихъ рвали шубы
два огневые фокстерьера.
И лишь свѣтящаяся груша
о тѣнь сломала копья драки,
на вѣткѣ ложъ съ цвѣтами плюша
повисли тягостные фраки.

ПОРТЪ.

Простыни водъ подъ брюхомъ были.
Ихъ рвалъ на волны бѣлый зубъ.
Быль вой трубы,—какъ будто лили
любовь и похоть мѣдью трубъ.
Прижались лодки въ люлькахъ входовъ
къ сосцамъ желѣзныхъ матерей.
Въ ушахъ оглохшихъ пароходовъ
горѣли серьги якорей.

УТРО.

Угрюмый дождь скосилъ глаза.
А за
рѣшеткой
четкой
желѣзной мысли проводовъ—
перина.
И на
нее
встающихъ звѣздъ
легко оперлись ноги.
Но ги-
бель фонарей,
царей
въ коронѣ газа,
для глаза
сдѣлала больнѣй
враждующій букетъ бульварныхъ проститутокъ.
И жутокъ
шутокъ
клюющей смѣхъ—
изъ желтыхъ
ядовитыхъ розъ
возросъ
зигзагомъ.

За гамъ
и жуть
взглянуть
отрадно глазу:
раба
крестовъ
страдающе-спокойно-безразличныхъ
гроба
домовъ
публичныхъ
востокъ бросалъ въ одну пылающую вазу.

НОЧЬ.

Багровый и бѣлый отброшень и скомканъ,
въ зеленый бросали горстями дукаты,
а чернымъ ладонямъ сбѣжавшихся оконъ
раздали горящія желтыя карты.

Бульварамъ и площади было не странно
увидѣть на зданіяхъ синія тоги.

И раньше бѣгущимъ, какъ желтыя раны,
огни обручали браслетами ноги.

Толпа—пестрошерстая быстрая кошка—
плыла, изгибаясь, дверями влекома;
каждый хотѣлъ протащить хоть немножко
громаду изъ смѣха отлитаго кома.

Я, чувствуя платя зовущія лапы,
въ глаза имъ улыбку протиснулъ, пугая
ударами въ жесть, хохотали арапы,
надъ лбомъ расцвѣтивши крыло попугая.

ИЗЪ УЛИЦЫ ВЪ УЛИЦУ.

у-
лица.
Лица
у
договъ
годовъ
рѣз-
че.
Че-
резъ
желѣзныхъ коней
съ оконъ бѣгущихъ домовъ
прыгнули первые кубы.
Лебеди шей колокольныхъ,
гнитесь въ силкахъ проводовъ!
Въ небѣ жирафій рисунокъ готовъ
выпестрить ржавые чубы.
Пестерьъ, какъ форель,
сынъ
безузорной пашни.
Фокусникъ
рельсы
тянетъ изъ пасти трамвая,
скрыть циферблатами башни.
Мы завоеваны!

Ванны.

Души.

Лифтъ.

Лифъ

души

разстегнули!

Тѣло

жгутъ

руки.

Кричи не кричи „я не хотѣла“—

рѣзокъ

жгутъ

муки.

Вѣтеръ колючій трубъ вырываетъ

дымчатой шерсти клокъ.

Лысый фонарь сладострастно снимаетъ

съ улицы черный чулокъ.

ВОТЪ ТАКЪ Я СДѢЛАЛСЯ СОБАКОЙ.

Ну, это уже совершенно невыносимо.

Весь, какъ есть, искусанъ злобой.

Злюсь не такъ, какъ могли бы вы:
какъ собака, лицо луны гололобой;

взялъ бы

и все обвылъ.

Нервы, должно-быть...

Выйду,—

погуляю.

И на улицѣ не успокоился ни на комъ я.

Какая-то прокричала про добрый вечеръ.

Надо отвѣтить:

она—знакомая.

Хочу.

Чувствую—

не могу по-человѣчьи!

Что это за безобразіе?

Сплю я, что ли?

Ощупаль себя:

такой же, какъ былъ,

лицо такое же, къ какому привыкъ.

Тронулъ губу,

а у меня изъ-подъ губы—

клыкъ!

Скорѣе закрылъ лицо, какъ будто сморкаюсь.

Бросился къ дому, шаги удвоивъ.
Бережно огибаю полицейскій постъ,
вдругъ—оглушительное:
„Городовой!—
Хвостъ“.
Провель рукой и—остолбенѣлъ!
Этого-то,
всякихъ клыковъ почище,
я и не замѣтилъ въ бѣшеномъ скачѣ:
у меня
изъ-подъ пиджака
развѣерился хвостище
и вѣется сзади,
большой, собачій!
Что теперь?
Одинъ заораль, толпу роста.
Второму прибавился третій, четвертый.
Смяли старушонку.
Она, крестясь, что-то кричала про чорта.
И когда,
ошетинивъ въ лицо усища вѣники,
толпа навалилась,
огромная,
злая,
я сталъ на четвереньки
и залаялъ:
Гавъ! авъ! авъ!

НИЧЕГО НЕ ПОНИМАЮТЪ.

Вошелъ къ парикмахеру, сказалъ—спокойный:
„Будьте добры, причешите мнѣ уши!“
Гладкій парикмахеръ сразу сталъ хвойный,
лицо вытянулось какъ у груши:
„Сумасшедшій!“
„Рыжій!“
Запрыгали слова.
Ругань металась отъ писка до писка.
И до-о-о-о-олго
хихикала чья-то голова,
выдергиваясь изъ толпы, какъ старая редиска!

КОЕ-ЧТО ПО ПОВОДУ ДИРИЖЕРА.

Въ ресторанѣ было отъ электричества рыжо.
Кресла облиты въ дамскую мякоть.
Обиженный выбѣжалъ дирижеръ,
приказалъ музыкантамъ плакать.
И сразу тому, который въ бороду
толстую семгу вкусно несъ,
труба—изловчившись—въ сытую морду
ударила горстью мѣдныхъ слезъ.
Еще не успѣлъ онъ, между икотами,
выпихнуть крикъ въ золотую челюсть
его, избитые трамбонами и фаготами
смяли и скакали черезъ.
Когда послѣдній не доползъ до двери,
умеръ щекою въ соусъ,
приказавъ музыкантамъ выть по-звѣрьи,
дирижеръ обезумѣлъ вовсе!
Въ самые зубы тушѣ опоенной,
втиснулъ трубу, какъ мѣдный калачъ,
дулъ и слушалъ—раздутымъ удвоенный,
мечется въ брюхѣ плачь.
Когда на утро, отъ злобы не ѣвшій,
хозяинъ принесъ расчетъ,
дирижеръ на люстрѣ уже посинѣвшій
висѣлъ и синѣлъ еще.

НАТЕ!

Черезъ часъ отсюда въ чистый переулокъ
вытечетъ по человѣку вашъ обрюзгшій жиръ,
а я вамъ открылъ столько стиховъ шкатулокъ,
я—безцѣнныхъ словъ мотъ и транжиръ.
Вотъ вы мужчина, у васъ въ усахъ капуста
гдѣ-то недокушанныхъ шей;
вотъ вы женщина, на васъ бѣлила густо,
вы смотрите устрицей изъ раковинъ вещей.
Всѣ вы на бабочку поэтинаго сердца
взгромоздитесь грязныя въ калошахъ и безъ калошъ.
Толпа озвѣрѣетъ, будетъ тереться,
ощетинитъ ножки стоглавая вошь.
А если сегодня мнѣ, грубому гунну,
кривляться передъ вами не захочется—и вотъ
я захохочу и радостно плюну,
плюну въ лицо вамъ,
я—безцѣнныхъ словъ транжиръ и мотъ.

ЧУДОВИЩНЫЯ ПОХОРОНЫ.

Мрачные до чернаго вышли люди,
 тяжело и чинно выстроились въ городѣ,
 будто сейчасъ набираться будетъ
 хмурыхъ монаховъ черный орденъ.
 Трауръ вороновъ, выкаймленный подъ окна,
 небо въ бурю крашенное,—
 все было такъ подобрано и подогнано,
 что волей неволей ждалось страшное.
 Тогда разверзлась, кряхтя и нехотя,
 пыльнаго воздуха сухая охра,
 вылѣзъ изъ воздуха и началъ ѣхать
 тихій катафалкъ чудовищныхъ похоронъ.
 Встревоженная ожила глазъ масса,
 гору взоровъ въ гробъ бросили.
 Вдругъ изъ гроба прыснула гримаса,
 послѣ—крикъ: „Хоронять умершій смѣхъ!“—
 изъ тысячегрудаго мѣха
 гремѣлъ омилліоненный множествомъ эхъ
 за гробомъ, который ѣхалъ.
 И тотчасъ же отчаяннѣйшаго плача ножи
 врѣзались, заставивъ ничего не понимать.
 Вотъ за гробомъ, въ плачѣ, старуха жизнь,
 усопшаго смѣха сѣдая мать.
 Къ кому же, къ кому вернуться назадъ ей?
 Смотрите: въ лысинѣ—тотъ—
 это большой, носатый
 плачетъ армянскій анекдотъ.

Еще не забылось, какъ выкривилъ ротъ онъ,
а за нимъ ободранная, куцая,
визжа, бѣжала острота.

Куда—если умеръ—уткнуться ей?

Уже до неба плачей глыба.

Но еще,

еще откуда-то плачики,

это цѣлыя полчища улыбочекъ и улыбокъ
ломали, въ горѣ, хрупкіе пальчики.

И вотъ сквозь строй ихъ, смокшихъ въ одинъ,
сплошной изрыдавшійся Гаршинъ,
вышелъ ужасъ—впередъ пойти—
весь въ похоронномъ маршѣ.

Размокло лицо, стало—„кашица“,
смятая морщинками на вымуренномъ лбу,
а если кто смѣется—кажется,
ему разодрали губу.

А ВЫ МОГЛИ БЫ?

Я сразу смазалъ карту будня,
плеснувши краску изъ стакана;
я показалъ на блюдѣ студня
косыя скулы океана.
На чешуѣ жестяной рыбы
прочель я зовы новыхъ губъ.
А вы
ноктюрнъ сыграть
могли бы
на флейтѣ водосточныхъ трубъ?

СУДЬЯ.

По Красному морю плывутъ каторжане,
трудомъ выгребая галеру,
рыкомъ покрывъ кандальное ржанье,
орутъ о родинѣ—Перу.
О раѣ Перу орутъ перуанцы,
гдѣ птицы, танцы, бабы,
и гдѣ надъ вѣнцами цвѣтовъ померанца,
были до небесъ баобабы.
Бананъ! Ананасы! Радостей груды.
Вино въ запечатанной посудѣ.
Но вотъ, неизвѣстно зачѣмъ и откуда,
на Перу наперли судьи!
И птицъ, и танцы, и всѣхъ перуанокъ
кругомъ обложили статьями.
Глаза у судьи—пара жестянокъ
Мерцаетъ въ помойной ямѣ.
На хвостъ павлиній оранжево-синій
взглянулъ онъ строгій, какъ постъ,
и вылинялъ моментально павлиній
великолѣпный хвостъ!
А возлѣ Перу летали по Преріи
птички такія, колибри,
судья поймалъ и пухъ и перья
бѣдной колибри выбрилъ.

И нѣтъ ни въ одной долинь нынѣ
горь, вулканомъ горящихъ;
судья написалъ на каждой долинь:
„Долина для не курящихъ“.
Въ бѣдномъ Перу стихи мои даже
въ запретѣ, подѣ страхомъ пытокъ.
Судья сказалъ:
„Тѣ, что въ продажѣ,
тоже спиртной напитокъ!“
Экваторъ дрожить отъ кандалныхъ звоновъ,
а въ Перу—безптичье, безлюдье.
Лишь злобно забившись подѣ своды законовъ,
живутъ унылые судьи.
А—знаете? Все-таки—жаль перуанца!
Зря ему дали галеру.
Вѣдь судьи мѣшаютъ и птицѣ, и танцу,
и мнѣ, и вамъ, и Перу!

МЫ.

Лѣземъ землѣ подѣ рѣсницами вылѣзшихъ пальмъ
 выколотъ бѣльма пустынь,
 на ссохшихся губахъ каналовъ—
 дредноутовъ улыбки поймать.

Стынь злоба!

На костеръ разозженныхъ созвѣздій

взвестъ не позволю мою одичавшую, дряхлую мать.

Дорога—рогъ ада—пьяни грузовозовъ храпы!

Дымящіяся ноздри вулкановъ хмелемъ расширь.

Перья линяющихъ _____ бросимъ любимымъ на
шляпы,

будемъ хвосты на боа обрубать у кометъ, ковыляющихъ
въ ширь.

ШУМИКИ, ШУМЫ И ШУМИЩИ.

По эхамъ города проносятся шумы
на шопотъ подошвъ и на громахъ колесъ,
а люди и лошади—это только грумы,
слѣдящiе линiи убѣгающихъ косъ.
Пронесутъ дѣвоньки крохотные шумики.
Ящики гула пронесетъ грузовозъ.
Рысакъ прошуршитъ въ сѣтчатой туникѣ.
Трамвай расплещетъ перекааты грозъ.
Всѣ на площадь, сквозь туннели пассажей,
плывутъ каналами перекрещенныхъ думъ,
гдѣ мордой перекошенный, размалеванный сажей
на царство базаровъ коронованъ шумъ.

КОФТА ФАТА.

Я сошью себѣ черные штаны
изъ бархата голоса моего.
Желтую кофту изъ трехъ аршинъ заката.
По Невскому міра, по лощенымъ полосамъ его,
профланирую шагомъ Донъ-Жуана и фата.
Пусть земля кричитъ, въ покоѣ обабившись:
„Ты зеленая весны идешь насиловать!“
Я брошу солнцу, нагло ослабившись:
„На глади асфальта мнѣ хорошо грассировать!“
Не потому ли, что небо голубо,
а земля мнѣ любовница въ этой праздничной чисткѣ,
я дарю вамъ стихи, веселыя, какъ би-ба-бо,
острые и нужные, какъ зубочистки!
Женщины, любящія мое мясо, и эта
дѣвушка, смотрящая на меня, какъ на брата,
закидайте улыбками меня, поэта,—
я цвѣтами нашью ихъ мнѣ на кофту фата!

СКРИПКА И НЕМНОЖКО НЕРВНО.

Скрипка издергалась, упрашивая
и вдругъ разревѣлась,
такъ по-дѣтски,
что барабанъ не выдержалъ:
„Хорошо, хорошо, хорошо!“
А самъ—усталъ,
не дослушалъ скрипкиной рѣчи,
шмыгнулъ на горящій Кузнецкій
и ушелъ.
Оркестръ чужо смотрѣлъ, какъ
выплакивалась скрипка
безъ словъ,
безъ такта,
и только гдѣ-то
глупая тарелка
вылязгивала:
„Что это?“
„Какъ это?“
А когда геликонъ—
мѣднорожій,
потный,
крикнулъ:
„Дура,
плакса,
вытри!“ —

Я всталъ,
шатаюсь, полѣзь черезъ ноты,
сгибающіеся подъ ужасомъ пюпитры,
зачѣмъ-то крикнулъ:

„Боже!“

Бросился на деревянную шею.

„Знаете что, скрипка?

Мы ужасно похожи:

я вотъ тоже

ору—

а доказать ничего не умѣю!“

Музыканты смѣются:

„Влипъ какъ!

Пришелъ къ деревянной невѣстѣ!

Голова!“

А мнѣ—наплевать!

Я—хорошій.

„Знаете что, скрипка?

давайте—

будемте жить вмѣстѣ!

А?“

ВЕЛИКОЛЪПНАЯ
НЕЛЪПОСТИ.

ВОЙНА ОБЪЯВЛЕНА.

„Вечернюю! Вечернюю! Вечернюю!
Италія! Германія! Австрія!“
И на площадь, мрачно очерченную чернью,
багровой крови пролилась струя!
Морду разбила кофейня,
звѣрчимъ крикомъ багрима:
„Отравимъ кровью игры Рейна!
Громами ядеръ на мраморъ Рима!“
Съ неба, изодраннаго о штыковъ жала,
слезы звѣздъ просѣивались, какъ мука въ ситѣ,
и подошвами сжатая жалость визжала:
„Ахъ пустите, пустите, пустите!“
Бронзовые генералы на граненомъ цоколѣ
молили: „Раскуйте и мы поѣдемъ!“
Прощающейся конницы поцѣлуи цокали
и пѣхотѣ хотѣлось къ убійцѣ—побѣдѣ.
Громоздящемуся городу уродился во снѣ
хохочущій голосъ пушечнаго баса,
а съ запада падаетъ красный снѣгъ
сочными клочьями человѣчьяго мяса.
Вздувается у площади за ротой рота,
у злящейся на лбу вздуваются вены:
„Постойте, шашки о шелкъ кокотокъ
вытремъ, вытремъ въ бульварахъ Вѣны!“
Газетчики надрывались: „Купите Вечернюю!
„Италія! Германія! Австрія!“
Изъ ночи, черно очерченной чернью,
багровой лилась и лилась струя.

МАМА И УБИТЫЙ НѢМЦАМИ ВЕЧЕРЬ.

По чернымъ улицамъ бѣлыя матери
судорожно простерлись, какъ по гробу газетъ.
Вплакались въ орущихъ о побитомъ непріятелѣ
„Ахъ закройте, закройте глаза газеты!“

Письмо.

Мама, громче!

Дымъ.

Дымъ.

Дымъ еще!

Что вы мямлите, мама, мнѣ?

Видите—

весь воздухъ вымощенъ

громыхающимъ подъ ядрами камнемъ!

Ма—а—а—ма!

Сейчасъ притащили израненный вечеръ.

Крѣпился долго,

кургузый,

шершавый,

и вдругъ—

надломивши тучныя плечи,

расплакался, бѣдный, на шеѣ Варшавы.

Звѣзды въ платочкахъ изъ синяго ситца
визжали:

„Убить,
дорогой,
дорогой мой!“

И глазъ новолунія страшно косится,
какъ мертвый кулакъ съ зажатой обоймой.

Сбѣжались смотрѣть литовскія села,
какъ поцѣлуемъ въ обрубокъ вкована,
слезя золотые глаза костеловъ,
пальцы улицъ ломала Ковна.

А вечеръ кричитъ,
безногій,
безрукій:

„Неправда,
я еще могу-съ—
Хе!

—выбрыцавъ шпоры въ горячей мазуркѣ
выкрутить русый усъ!“

Звонокъ.

Что вы,
мама?

Бѣлая, бѣлая, какъ на гробъ газетъ.

Оставьте!

О немъ это,
объ убитомъ, телеграмма.

„Ахъ закройте,
закройте глаза газетъ!“

Я И НАПОЛЕОНЪ.

Я живу на Большой Прѣснѣ:

36, 24.

Мѣсто спокойненькое.

Тихонькое.

Ну?

Кажется—какое мнѣ дѣло,

что гдѣ-то

въ бурѣ—мирѣ

взяли и выдумали войну?

Ночь пришла.

Хорошая.

Вкрадчивая.

И чего это барышни нѣкоторыя

дрожать, пугливо поворачивая

глаза громадные, какъ прожекторы?

Уличныя толпы небесной влаги

припали горящими устами,

а городъ, вытрепавъ ручонки—флаги,

молится и молится красными крестами.

Простоволосая церковка бульварному изголовью

припала,—набитый слезами куль,—

а у бульвара цвѣтники истекаютъ кровью,

какъ сердце изодранное пальцами пуль.

Тревога жирѣетъ и жирѣетъ,
жретъ зачерствѣвшій разумъ.
Уже у Ноева оранжереи
покрылись смертельно блѣднымъ газомъ!

Скажите Москвѣ—
пускай удержится!
Не надо!
Пусть не трясется!
Черезъ секунду
встрѣчу я
небѣ самодержца,—
возьму и убью солнце!
Видите!
Флаги по небу полощеть.
Вотъ онъ!
Жирень и рыжъ.
Краснымъ копытомъ грохнувъ о площадь,
въѣзжаетъ по трупамъ крышъ!

Тебѣ
орущему:—
„Разрушу,
разрушу!“
Вырѣзавшему ночь изъ окровавленныхъ карнизовъ,
я—
сохранившій безстрашную душу,
бросаю вызовъ!

Идите, изъѣденные безсонницей,
сложите въ костеръ лица!
Все равно!
Это намъ послѣднее солнце—
солнце Аустерлица!

Идите сумасшедшіе изъ Россіи, Польши;
сегодня я—Наполеонъ!

Я полководецъ и больше.

Сравните—

я и—онъ!

Онъ разъ чумъ приблизился трономъ,
смертью смерть поправъ,

я каждый день иду къ зачумленнымъ
по тысячамъ русскихъ Яффъ!

Онъ разъ, не дрогнувъ, сталь подъ пули
и славится столѣтій сто,

а я прошелъ въ одномъ лишь іюлѣ
тысячу Аркольскихъ мостовъ!

Мой крикъ въ гранитъ времени выбить,
и будетъ гремѣть и гремитъ,

оттого, что

въ сердцѣ выжженномъ, какъ Египетъ,
есть тысяча тысячъ пирамидъ!

За мной, изъѣденные безсонницей!

Выше!

Въ костеръ лица!

Здравствуй,

мое предсмертное солнце,

солнце Аустерлица!

Люди!

Будеть!

На солнце!

Прямо!

Солнце съежится ажъ!

Громче изъ сжатаго горла храма
хрипи похоронный маршъ!

Люди!
Когда канонизируете имена
погибшихъ,
меня извѣстнѣй,—
помните:
еще одного убила война—
поэта съ Большой Прѣсни!

ВЕЛИКОЛЪПНЫЯ НЕЛЪПОСТИ.

Бросьте!
 Конечно, это не смерть.
 Чего ей ради ходить по крѣпости?
 Какъ вамъ не стыдно вѣрять
 нелѣпости?!

Просто именинникъ устроилъ карнавалъ,
 выдумалъ для шума стрѣльбу и тиръ,
 а самъ, по-жабьи присѣвъ на валъ,
 вымаргивается, какъ изъ мортиръ.
 Ласковъ хозяина бась,
 просто—похожъ на пушечныи.
 И не отъ газа маска,
 а ради шутки игрушечной.
 Смотрите!
 Небо мѣрять
 выбѣжала ракета.
 Развѣ такъ красиво смерть
 бѣжала бы въ небѣ паркета!
 Ахъ, не говорите:
 „Кровь изъ раны“.
 Это—дико!
 Просто избранныхъ изъ бранныхъ
 одаривали гвоздикой.
 Какъ же иначе?

Мозгъ не хочетъ понять
и не можетъ:
у пушечныхъ шей,
если не цѣловаться,
то—для чего же
обвиты руки траншей?
Никто не убить!
Просто—не выстоялъ.
Легъ отъ Сены до Рейна.
Оттого что цвѣтеть,
одуряетъ желтолистая
на клумбахъ изъ убитыхъ гангрена.
Не убиты,
нѣтъ же,
нѣтъ!
Всѣ они встанутъ
просто—
вотъ такъ,
вернутся
и, улыбаясь, расскажутъ женѣ,
какой хозяинъ весельчакъ и чудакъ.
Скажутъ: не было ни ядръ ни фугасовъ
и, конечно же, не было крѣпости!
Просто именинникъ выдумалъ массу
какихъ-то великолѣпныхъ нелѣпостей!

„ВЛАДИМІРЪ МАЯКОВСКІЙ“

ТРАГЕДІЯ

прологъ

два дѣйствія

эпилогъ

ДѢЙСТВУЮТЪ:

Владиміръ Маяковскій (поэтъ 20—25 лѣтъ).

Его знакомая (сажени 2—3. Не разговариваетъ).

Старикъ съ черными, сухими кошками (нѣсколько тысячъ лѣтъ).

Человѣкъ безъ глаза и ноги.

Человѣкъ безъ уха.

Человѣкъ безъ головы.

Человѣкъ съ растянутымъ лицомъ.

Человѣкъ съ двумя поцѣлуями.

Обыкновенный молодой человѣкъ.

Женщина со слезинкой.

Женщина со слезой.

Женщина со слезищей.

Газетчики, мальчики, дѣвочки и др.

ПРОЛОГЪ.

В. Маяковскій:

Вамъ ли понять,
почему я
спокойный
насмѣшекъ грозою
душу на блюдѣ несу
къ обѣду идущихъ лѣтъ.
Съ небритой щеки площадей,
стекая ненужной слезою,
я,
быть-можетъ,
послѣдній поэтъ.
Замѣчали вы—
качается
въ каменныхъ аллеяхъ
полосатое лицо повѣшенной скуки,
а у мчащихся рѣкъ
на взмыленныхъ шеяхъ
мосты заломили желѣзныя руки.
Небо плачетъ
безудержно,
звонко;
а у облачка
гримаска на морщинкѣ ротика,
какъ будто женщина ждала ребенка,
а Богъ ей кинулъ кривого идиотика.

Пухлыми пальцами въ рыжихъ волосикахъ
 солнце изласкало васъ назойливостью овода—
 въ вашихъ душахъ выцѣлованъ рабъ.
 Я безстрашный
 ненависть къ дневнымъ лучамъ понесъ въ вѣкахъ;
 съ душой натянутой, какъ нервы провода,
 я—
 царь лампъ!
 Придите всѣ ко мнѣ,
 кто рвалъ молчаніе,
 кто вылъ
 оттого, что петли полдней туги—
 я вамъ открою
 словами
 простыми, какъ мычанье,
 наши новыя души,
 гудящія
 какъ фонарныя дуги.
 Я вамъ только головы пальцами трону,
 и у васъ
 вырастутъ губы
 для огромныхъ поцѣлуевъ
 и языкъ
 родной всѣмъ народамъ.
 А я, прихрамывая душонкой,
 уйду къ моему трону
 съ дырами звѣздъ по истертымъ сводамъ.
 лягу
 свѣтлый
 въ одеждахъ изъ лѣни
 на мягкое ложе изъ настоящаго навоза
 и тихимъ
 цѣлюющимъ шпаль колѣни
 обниметь мнѣ шею колесо паровоза.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Весело. Городъ въ паутинѣ улицъ.
Праздникъ нищихъ. Одинъ В. Мая-
ковскій. Приходящіе приносятъ ѣду:
желѣзнаго сельдя съ вывѣски, огром-
ный золотой калачъ, складки нари-
сованнаго бархата.

В. Маяковскій:

Милостивые государи!
Заштопайте душу,
пустота сочится не могла бы!
Я не знаю,
плевокъ—
обида или нѣтъ?
Я сухой, какъ каменная баба.
Меня выдоили.
Милостивые государи!
Хотите,
сейчасъ передъ вами будетъ танцовать замѣчатель-
ный поэтъ?

Входитъ старикъ съ черными, сухими
кошками. Гладить. Весь—борода.

В. Маяковскій:

Ищите жирныхъ въ домахъ скорлупахъ,
и въ бубень брюха веселье бейте.
Схватите за ноги глухихъ и глупыхъ,
дуйте въ уши имъ, какъ въ дырки флейтъ!
Разбейте днища у бочекъ злости,
я горящій булыжникъ думъ ѣмъ.

Сегодня
 въ вашемъ кричащемъ тостѣ
 я овѣнчаюсь моимъ безумьемъ!

Сцена наполняется. Человѣкъ безъ
 уха. Человѣкъ безъ ноги и другіе.
 Тупые. Стали. Безпорядокъ.

В. Маяковскій:

Граненыхъ строчекъ босой алмазникъ,
 взметя перины въ чужихъ жилищахъ,
 зажгу сегодня всемірный праздникъ
 такихъ богатыхъ и пестрыхъ нищихъ!

Старикъ съ кошками:

Оставь!
 Зачѣмъ мудрецамъ погремушекъ потѣха.
 Я—тысячелѣтній старикъ.
 Я вижу—
 въ тебѣ
 на крестѣ изъ смѣха
 распятъ замученный крикъ.
 Легло на городъ громадное горе
 и сотни крохотныхъ горь.
 А свѣчи и лампы въ галдящемъ спорѣ
 покрыли шопоты зорь.
 Мягкія луны не властны надъ нами,
 огни фонарей и наряднѣй и хлеще.
 Въ землѣ городовъ нареклись господами,
 лѣзутъ стереть насъ
 бездушныя вещи.
 А съ неба
 на вой человѣчьей орды
 глядитъ обезумѣвшій _____
 и руки въ отрепьяхъ его бороды

изъѣденныхъ пылью дорогъ.

Богъ

кричитъ о жестокой расплатѣ,

а въ вашихъ душонкахъ поношенный вздошекъ.

Бросьте его!

Идите и гладьте, —

гладьте сухихъ и черныхъ кошекъ!

Громадныя брюха возьмете хвастливо,

лоснящихся щекъ надуете пышки;

лишь въ кошкахъ,

гдѣ шерсти вороньей отливы,

наловите глазъ электрическихъ вспышки.

Весь ловъ этихъ вспышекъ —

(онъ будетъ обилень!) —

вольемъ въ провода,

въ эти мускулы тяги;

заскачутъ трамваи,

пламя свѣтилень

зарѣетъ въ ночахъ, какъ побѣдныя стяги.

Миръ зашевелится въ радостномъ гриммѣ,

цвѣты испавлинятся въ каждомъ окошкѣ,

по рельсамъ поташать людей,

а за ними

все кошки, кошки, черныя кошки!

Мы солнца приколемъ любимымъ на платья,

изъ звѣздъ накуемъ серебрящихся брошекъ.

Бросьте квартиры!

идите и гладьте, —

гладьте сухихъ и черныхъ кошекъ!

Человѣкъ безъ уха:

Это — правда!

Надъ городомъ,

— гдѣ флюгеровъ древки —
 женщина
 — черныя пещеры вѣкъ —
 мечется,
 кидаетъ на тротуары плевки;
 а плевки вырастаютъ въ огромныхъ калѣкъ.
 Отмщалась надъ городомъ чья-то вина;
 люди столпились,
 табуномъ бѣжали.
 А тамъ,
 въ обояхъ,
 межъ тѣнями вина,
 сморщенный старикашка плачетъ на роялѣ.

Окружаютъ.

Надъ городомъ ширится легенда мукъ.
 Схватишься за ноту —
 пальцы окровавишь!
 А музыкантъ не можетъ вытащить рукъ
 изъ бѣлыхъ зубовъ разъяренныхъ клавишъ.

Все въ волненіи.

И вотъ
 сегодня
 съ утра
 въ душу
 врѣзалъ матчишь губы;
 я ходилъ, подергиваясь,
 руки растопыря,
 а вездѣ по крышамъ танцовали трубы,
 и каждая колѣнями выкидывала 44!
 Господа!
 Остановитесь!
 Развѣ это можно?!
 Даже переулки засучили рукава для драки.

А тоска моя растеть
 непонятна и тревожна,
 какъ слеза на мордѣ у плачущей собаки.
 Еще тревожнѣе.

Старикъ съ кошками:
 Вотъ видите!
 Вещи надо рубить!
 Не даромъ въ ихъ ласкахъ провидѣль врага я!

Человѣкъ съ растянутымъ лицомъ:
 А можетъ-быть, вещи надо любить?
 Можетъ-быть, у вещей душа другая?

Человѣкъ безъ уха:
 Многія вещи сшиты наоборотъ;
 сердце не сердится,
 къ злобѣ глухо.

Человѣкъ съ растянутымъ лицомъ:
 Радостно поддакиваетъ.
 И тамъ, гдѣ у человѣка вырѣзанъ ротъ,
 многимъ вещамъ пришито ухо!

В. Маяковскій:
 Поднялъ руку. Вышелъ въ середину.
 Злобой не мажьте сердцеъ концы!
 Васъ,
 дѣтей моихъ,
 буду учить непреклонно и строго.
 Всѣ вы люди
 лишь бубенцы
 на колпакѣ _____

Я
 ногой, распухшей отъ исканій,
 обошелъ
 и вашу сушу,
 и еще какія-то другія страны
 въ домино и въ маскѣ темноты.
 Я искалъ
 ее,
 невиданную душу,
 чтобы въ губы раны
 положить ея цѣлящіе цвѣты.

Остановился.

И опять,
 какъ рабъ
 въ кровавомъ потѣ,
 тѣло безуміемъ качаю.
 Впрочемъ,
 разъ нашелъ ее —
 душу:
 Вышла
 въ голубомъ капотѣ,
 говоритъ:
 „Садитесь!
 Я давно васъ ждала.
 Не хотите ли стаканчикъ чаю?“

Остановился.

Я — поэтъ,
 я разницу стеръ
 между лицами своихъ и чужихъ.
 Въ гноѣ морговъ искалъ сестеръ.
 Цѣловалъ узорно больныхъ.
 А сегодня
 на желтый костеръ,

спрятавъ глубже слезы морей,
я взведу и стыдъ сестеръ,
и морщины сѣдыхъ матерей!
На тарелкахъ зализанныхъ заль
будемъ жрать тебя, мясо, вѣкъ!

Срываетъ покрывало. Громадная женщина. Боязливо. Вбѣгаетъ обыкновенный молодой человекъ. Суется.

В. Маяковскій:

Въ сторонѣ—тихо.

Милостивые государи!
Говорять,
гдѣ-то
— кажется, въ Бразиліи —
есть одинъ счастливый человекъ!

Обыкновенный молодой человекъ:

Подбѣгаетъ къ каждому. Цѣпляется.

Милостивые государи!
Стойте!
Милостивые государи!
Господинъ,
господинъ,
скажите скорѣй:
это здѣсь хотятъ сжечь
матерей?
Господа!
Мозгъ людей остеръ,
но предъ тайнами міра никъ;
а вы зажигаєте костеръ
изъ сокровищъ знаній и книгъ!
Я придумалъ машинку для рубки котлетъ.

Я умомъ вовсе не плохъ!
 У меня есть знакомый,
 онъ двадцать пять лѣтъ
 работаетъ
 надъ капканомъ для ловли блохъ.
 У меня жена есть,
 скоро родить сына или дочку,
 а вы — говорите гадости!
 Интеллигентные люди!
 Право, какъ будто, обидно.

Человѣкъ безъ уха:
 Молодой человѣкъ,
 встань на коробочку!

Изъ толпы.

Лучше на бочку!

Человѣкъ безъ уха:
 А то васъ совсѣмъ не видно!

Обыкновенный молодой человѣкъ:
 И нечего смѣяться!
 У меня братецъ есть,
 маленькій,
 вы придете и будете жевать его кости.
 Вы все хотите съѣсть!

Тревога. Гудки. За сценой крики:
 „штаны, штаны“.

В. Маяковскій:
 Бросьте!

Обыкновенному молодому человѣку
 со всѣхъ сторонъ:

Если бь вы такъ, какъ я, голодали —
дали
востока и запада,
вы бы глодали,
какъ гложуть кость небосвода
заводовъ копченя рожі!

Обыкновенный молодой человекъ:

Что же, —
значить, ничто любовь?
У меня есть Сонечка сестра!

На колѣняхъ.

Милые!
Не лейте кровь!
Дорогіе,
не надо костра!

Тревога выросла. Выстрѣлы. Начи-
наеть медленно тянуть одну ноту
водосточная труба. Загудѣло желѣзо
крышъ.

Человекъ съ растянутымъ лицомъ:

Если бь вы такъ, какъ я, любили,
вы бы убили любовь;
или лобное мѣсто нашли
и растлили бь
шершавое потное небо
и молочно невинныя звѣзды.

Человекъ безъ уха:

Ваши женщины не умѣютъ любить,
онѣ отъ поцѣлуевъ распухли, какъ губки.

Вступаютъ удары тысячи ногъ въ
натянутое брюхо площади.

Человѣкъ съ растянутымъ лицомъ:

А изъ моей души
тоже можно сшить
такія нарядныя юбки!

Волненіе не помѣщается. Всѣ во-
кругъ громадной женщины. Взвали-
ваютъ на плечи. Тащутъ. Вмѣстѣ:

Идемъ,
гдѣ за святость
распяли пророка,
тѣла отдадимъ раздѣтому плясу,
на черномъ гранитѣ грѣха и порока
поставимъ памятникъ красному мясу.

Дотаскиваютъ до двери. Оттуда то-
ропливые шаги. Человѣкъ безъ гла-
за и ноги. Радостный. Безуміе на-
дорвалось. Женщину бросили.

Человѣкъ безъ глаза и ноги:

Сойте!
На улицахъ,
гдѣ лица—
бремя
у всѣхъ одни и тѣ жъ,
сейчасъ родила старуха время
огромный,
криворотый мятежъ!
Смѣхъ!
Передъ мордами вылѣзшихъ годовъ
онѣмѣли земель старожилы,
а злоба
вздувала на лбахъ городовъ
рѣки —
тысячеверстыя жилы.

Медленно,
въ ужасъ,
стрѣлки волосъ
подымался на лысомъ темени временъ.
И вдругъ
всѣ вещи
кинулись,
раздирая голосъ,
скидывать лохмотья изношенныхъ именъ.
Винныя витрины,
какъ по пальцу сатаны,
сами плеснули въ днища фляжекъ.
У обмершаго портного
сбѣжали штаны
и пошли —
одни! —
безъ человѣчьихъ ляжекъ!
Пьяный—
разинувъ черную пасть —
вывалился изъ спальни комодъ.
Корсеты слѣзали, боясь упасть,
изъ вывѣсокъ „Robes et modes“.
Каждая калоша недоступна и строга.
Чулки, какъ кокотки,
игриво щурятся.
Я летѣлъ, какъ ругань.
Другая нога
еще добѣгаетъ въ сосѣдней улицѣ.
Что же,
вы,
кричащіе, что я калѣка?!
старые,
жирные,

обрюзгішіе враги!
Сегодня
въ цѣломъ мірѣ не найдете чловѣка,
у котораго
двѣ
одинаковыя
ноги!

З а н а в ѣ с ь .

ВТОРОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Скучно. Площадь въ новомъ городѣ.
В. Маяковскій переодѣлся въ тогу.
Лавровый вѣнокъ. За дверью многія
ноги.

Человѣкъ безъ глаза и ноги:
Услужливо.

Поэтъ!

Поэтъ!

Васъ объявили княземъ.

Покорные

толпятся за дверью,

пальцы сосутъ.

Передъ каждымъ положень на земь
какой-то смѣшной сосудъ.

В. Маяковскій.

Что же, —

пусть идутъ!

Робко. Женщины съ узлами. Много
кланяются.

Первая:

Вотъ это слезка моя, —
возьмите!

Мнѣ не нужна она.

Пусть.

Вотъ она,

бѣлая,

въ шелкѣ изъ нитей

глазъ посылающихъ грусть!

В. Маяковскій:

Безпокойно.

Не нужна она, —
зачѣмъ мнѣ?

Слѣдующей:

И у васъ глаза распухли?

Вторая:

Безпечно.

Пустяки!

Сынъ умираетъ.

Не тяжело.

Вотъ еще слеза.

Можно на туфлю.

Будетъ красивая пряжка.

В. Маяковскій:

Испуганъ.

Третья:

Вы не смотрите,

что я

грязная;

вымоюсь, —

буду чище.

Вотъ вамъ и моя слеза,

праздная,

большая слезища.

В. Маяковскій:

Будетъ:

Ихъ уже гора.

Да и мнѣ пора.

Кто этотъ очаровательный шатень?

Газетчики:

Фигаро!

Фигаро!

Матэнь!

Человѣкъ съ двумя поцѣлуями. Всѣ
оглядываютъ. Говорятъ въ перебой:

Смотрите —

какой дикій!

Отойдите немного.

Темно.

Пустите!

Молодой человѣкъ,

не икайте!

Человѣкъ безъ головы:

И-и-и-и

Э-э-э-э

Человѣкъ съ двумя поцѣлуями:

Тучи отдаются небу

рыхлы и гадки.

День гибъ.

Дѣвушки воздуха тоже до золота падки

и имъ только деньги.

В. Маяковскій:

Что?

Человѣкъ съ двумя поцѣлуями:

Деньги и деньги бы!

Голоса:

Тише!

Тише!

Человѣкъ съ двумя поцѣлуями:
Танецъ съ дырявыми мячами.

Большому и грязному человѣку
подарили два поцѣлуя.
Человѣкъ былъ неловкій,
не зналъ,
что съ ними дѣлать,
куда ихъ дѣть?
Городъ,
весь въ праздникъ,
возносилъ въ соборахъ аллилуя;
люди выходили красивое надѣть.
А у человѣка было холодно,
и въ подошвахъ дырочекъ овальцы.
Онъ выбралъ поцѣлуй,
который побольше,
надѣлъ, какъ калошу.
Но морозъ ходилъ злой,
укусилъ его за пальцы.
„Что же“ —
разсердился человѣкъ —
„я эти ненужные поцѣлуи брошу!“
Бросилъ.
И вдругъ
у поцѣлуя выросли ушки,
онъ сталъ вертѣться,
тоненькимъ голосочкомъ крикнулъ:
„Мамочку!“
Испугался человѣкъ.
Обернулъ лохмотьями души своей дрожащее
тѣлицо,
понесъ домой,
чтобы вставить въ голубенькую рамочку.

Долго рылся въ пыли по чемоданамъ
(искалъ рамочку).

Оглянулся —
поцѣлуй лежитъ на диванѣ,
громадный,
жирный,
выросъ,
смѣется,
бѣсится!

„Господи! “ —
заплакалъ человекъ —
„никогда не думалъ, что я такъ устану.
„Надо повѣситься!“
И пока висѣлъ онъ,
гадкій,
жаленькій, —
въ будуарахъ женщины,
— фабрики безъ дыма и трубъ —
милліонами выдѣлывали поцѣлуи, —
всякіе,
большіе,
маленькіе, —
мясистыми рычагами шлепающихъ губъ.

Вбѣжавшіе дѣти—поцѣлуи:

Рѣзво.

Насъ массу выпустили.

Возьмите!

Сейчасъ остальные придутъ.

Пока, — восемь.

Я —

Митя.

Просимъ!

Каждый кладетъ слезу.

В. Маяковскій:

Господа!
Послушайте, —
я не могу!
Вамъ хорошо
а мнѣ съ болью-то какъ?

Угрозы.

Ты поговори еще тамъ.
Мы изъ тебя сдѣлаемъ рагу,
какъ изъ кролика.

Старикъ съ одной ошипанной кошкой:

Ты одинъ умѣешь пѣсни пѣть.

На груди слезъ.

Отнеси твоему красивому богу.

В. Маяковскій:

Пустите сѣсть!

Не даютъ. В. Маяковскій неуклюже
топчется, собираетъ слезы въ чемо-
данъ. Сталь съ чемоданомъ.

В. Маяковскій:

Хорошо!
Дайте дорогу!
Думаль, —
радостный буду.
Блестящій глазами
сяду на тронъ,
изнѣженный тѣломъ грекъ.
Нѣтъ!
Вѣкъ,
дорогія дороги,

не забуду
ваши ноги худыя
и сѣдые волосы сѣверныхъ рѣкъ!
Вотъ и сегодня —
выйду сквозь городъ,
душу
на копьяхъ домовъ
оставляя за клокомъ клокъ.
Рядомъ луна пойдетъ, —
туда,
гдѣ небосводъ распоротъ.
Поравняется,
на секунду примѣритъ мой котелокъ.
Я
съ ношей моей
иду,
спотыкаюсь,
ползу
дальше
на сѣверъ,
туда,
гдѣ въ тискахъ безъ конечной тоски
пальцами волнъ
вѣчно
грудь рветъ
океанъ изувѣръ.
Я добреду, —
усталый
въ послѣднемъ бреду
брошу вашу слезу
темному богу грозъ
у истока звѣриныхъ вѣръ.

З а н а в ѣ с ь .

ЭПИЛОГЪ.

В. Маяковскій:

Я это все писалъ
о васъ,
бѣдныхъ крысахъ.
Жалѣль—у меня нѣтъ груди:
я кормилъ бы васъ доброй нененькой.
Теперь я немного высохъ,
я—блаженненькій.
Но зато
кто,
гдѣ бы
мыслямъ далъ
такой нечеловѣчій просторъ!
Это я
попалъ пальцемъ въ небо,
доказалъ: —
онъ — воръ!
Иногда мнѣ кажется, —
я пѣтухъ голландскій,
или я
король псковскій.
А иногда
мнѣ больше всего нравится
моя собственная фамилія,
Владиміръ Маяковскій.

ОБЛАКО ВЪ ШТАНАХЪ

ТЕТРАПТИХЪ

ТЕБЪ ЛИЛЯ.

ПРОЛОГЪ.

Вашу мысль,
мечтающую на размягченномъ мозгу,
какъ выжирѣвшій лакей на засаленной кушеткѣ,
буду дразнить объ окровавленный сердца лоскутъ;
досыта изъиздѣваюсь, нахальный и ѣдкій.

У меня въ душѣ ни одного сѣдого волоса,
и старческой нѣжности нѣтъ въ ней!
Міръ огромивъ мощью голоса,
иду—красивый,
двадцатидвухлѣтній.

Нѣжные!

Вы любовь на скрипки ложите.
Любовь на литавры ложить грубый.
А себя, какъ я, вывернуть не можете,
чтобъ были однѣ сплошныя губы!

Приходите учиться —
изъ гостиной батистовая,
чинная чиновница ангельской лиги,
и которая губы спокойно перелистываетъ,
какъ кухарка страницы поваренной книги.

Хотите, —
буду отъ мяса бѣшенный,
— и, какъ небо, мѣняя тона —
хотите,
буду безукоризненно нѣжный,
не мужчина, а—облако въ штанахъ!

Не вѣрю, что есть цвѣточная Ницца!
Мной опять словословятся
мужчины залежанные, какъ больница,
и женщины истрепанные, какъ пословица.

I.

Вы думаете, это бредить малярія?

Это было,

было въ Одессѣ.

„Приду въ четыре“,—сказала Марія.

Восемь.

Девять.

Десять.

Вотъ и вечеръ

въ ночную жуть

ушелъ отъ оконъ

хмурый,

декабрый.

Въ дряхлую спину хохочутъ и ржутъ

канделябры.

Меня сейчасъ узнать не могли бы:

жилистая громадина

стонетъ,

корчится.

Чего можетъ хотѣться этакой глыбѣ?

А глыбѣ многое хочется!

Вѣдь для себя не важно

и то, что бронзовый,

и то, что сердце—холодной желѣзкою.

Ночью хочется звонъ свой

спрятать въ мягкое,

въ женское.

И вотъ,
громадный,
горблюсь въ окнѣ,
плавлю лбомъ стекло окошечное.
Будеть любовь или нѣтъ?
Какая —
большая или крошечная?

Откуда большая у тѣла такого:
Должно-быть, маленькій,
смирный любеночекъ.
Она шарахается автомобильныхъ гудковъ.
Любить звоночки коночекъ.

Еще и еще,
уткнувшись дождю
лицомъ въ его лицо рябое,
жду,
обрызганный громомъ мірового приборя.

Полночь, съ ножомъ мечась,
догнала,
зарѣзала, —
вонъ его!
Упалъ двѣнадцатый часъ,
какъ съ плахи голова казненнаго.

Въ стеклахъ дождейки сѣрыя
свылись,
гримасу громадили,
какъ будто воютъ химеры
Собора Парижской Богоматери.

Проклятая!

Что же и этого не хватить?
Скоро крикомъ издерется ротъ.

Слышу:

тихо,
какъ больной съ кровати,
спрыгнуль нервъ.

И вотъ,—

сначала прошелся
едва-едва,
потомъ забѣгалъ,
взволнованный,
четкій.

Теперь и онъ, и новые два
мечутся отчаянной чечеткой.

Рухнула штукатурка въ нижнемъ этажѣ.

Нервы
большіе,
маленькіе,
многіе!
скачутъ бѣшеные,
и уже
у нервовъ подкашиваются ноги!

А ночь по комнатѣ тинится и тинится;
изъ тины не вытянуться отяжелѣвшему глазу.

Двери вдругъ заляскали,
будто у гостиницы
не попадаетъ зубъ на зубъ.

Вошла ты
рѣзкая, какъ „нате“,

муча перчатки замшъ;
сказала:
„Знаете,—
я выхожу замужъ“.

Что жъ, выходите.
Ничего.
Покрѣплюсь.
Видите,—спокоенъ какъ!
Какъ пульсъ
покойника.

Помните?
Вы говорили
„Джекъ Лондонъ
деньги,
любовь,
страсть“.
а я одно видѣлъ:
вы—Джіоконда,
которую надо украсть!

И украли.

Опять влюбленный выйду въ игры,
огнемъ озаряя бровей загибъ.
Что же!
И въ домъ, который выгорѣлъ,
иногда живутъ бездомные бродяги!

Дразните?
„Меньше, чѣмъ у нищаго копеекъ,
у васъ изумрудовъ безумій“.

Помните!
Погибла Помпея,
когда раздразили Везувій!

Эй!
Господа!
Любители
святотатствъ,
преступленій,
боень,—
а самое страшное
видѣли,—
лицо мое,
когда
я
абсолютно спокоень?

И чувствую—
„я“
для меня мало.
Кто-то изъ меня вырывается упрямо.
Алло!
Кто говоритъ!
Мама?

Мама!
Вашъ сынъ прекрасно боленъ!
Мама!
У него пожаръ сердца.
Скажите сестрамъ, Людѣ и Ольѣ,
ему уже некуда дѣться.

Каждое слово,
даже шутка,

которыя изрыгаетъ обгорающимъ ртомъ онъ,
выбрасывается, какъ голая проститутка
изъ горящаго публичнаго дома.

Люди нюхаютъ,—
запахло жаренымъ!
Нагнали какихъ-то.
Блестяшіе!
Въ каскахъ!
Нельзя сапожища!
Скажите пожарнымъ:—
на сердце горящее лѣзутъ въ ласкахъ.

Я самъ.
Глаза наслезенные бочками выкачу.
Дайте о ребра опереться.
Выскочу! Выскочу! Выскочу! Выскочу!
Рухнули.
Не выскочишь изъ сердца!

На лицѣ обгорающемъ
изъ трещины губъ
обугленный поцѣлуйшко броситься вырость.
Мама!
Пѣть не могу.
У церковки сердца занимается клиросъ!

Обгорѣлыя фигурки словъ и чиселъ
изъ черепа,
какъ дѣти изъ горящаго зданія.
Такъ страхъ
схватиться за небо
высилъ
горящія руки Лузитаніи.

Трясущимся людямъ
въ квартирное тихо
стоглазое зарево рвется съ пристани.
Крикъ послѣдній,
ты хоть!
о томъ, что горю, въ столѣтія выстони!

II.

Славьте меня!
Я великимъ не чета.
Я надъ всѣмъ, что сдѣлано,
ставлю „nihil“.
Никогда
ничего не хочу читать.
Книги?
Что книги

Я раньше думалъ,—
книги дѣлаются такъ:
пришелъ поэтъ,
легко разжалъ уста,
и сразу запѣлъ вдохновенный простакъ,—
пожалуйста!

А, оказывается:—
прежде чѣмъ начнетъ пѣться,
долго ходятъ, размозолѣвъ отъ броженія,
и тихо барахтаются въ тинѣ сердца
глупая вобла воображенія.

Пока выкипчиваютъ, риѣмами пиликаая,
изъ любвей и соловьевъ какое-то варево,
улица корчится безъязыкая,—
ей нечѣмъ кричать и разговаривать.

Городовъ вавилонскія башни,
 возгордись, возносимъ снова;
 а Богъ
 города на пашни
 рушить,
 мѣшая слово.

Улица муку молча перла.
 Крикъ торчкомъ стоялъ изъ глотки.
 Топорщились, застрявшіе поперекъ горла,
 пухлые тахі и костлявыя пролетки.

Грудь изпѣшеходили.
 Чахотки плоче.
 Городъ дорогу мракомъ заперъ.
 И когда—
 все-таки!—
 выхаркнула давку на площадь,
 спихнувъ наступившую на горло паперть,
 думалось:

въ хорахъ архангелова хорала
 Богъ, ограбленный, идетъ карать!
 А улица присѣла и заорала:
 „Идемте жрать!“

Гриммируютъ городу Круппы и Круппики
 грозящихъ бровей морщь,
 а во рту
 умершихъ словъ разлагаются трупики,
 только два живутъ, жирѣя,
 „сволочь“

и еще какое-то,
кажется— „борщъ“.

Поэты,
размокшіе въ плачѣ и всхлипѣ,
бросились отъ улицы, ероша космы:
„Какъ двумя такими выпѣть
и барышню,
и любовь,
и цвѣточекъ подъ росами?“

А за поэтами—
уличныя тыщи:
студенты,
проститутки,
подрядчики.

Господа!
Остановитесь!
Вы не нищіе,
вы не смѣете просить подачки!

Намъ, здоровеннымъ,
съ шагомъ саженьимъ,
надо не слушать, а рвать ихъ,
ихъ
присосавшихся бесплатнымъ приложеніемъ
къ каждой двуспальной кровати!

Ихъ ли смиренно просить:
„Помоги мнѣ!“
Молить о гимнѣ,
объ ораторіи!

Мы сами творцы въ горящемъ гимнѣ—
шумѣ фабрики и лабораторіи.

Что мнѣ до Фауста,
фееріей ракетъ
скользящаго съ Мефистофелемъ въ небесномъ паркетѣ!
Я знаю—
гвоздь у меня въ сапогѣ
кошмарнѣй, чѣмъ фантазія Гете!

Я,
златоустѣйшій,
чье каждое слово
душу новородитъ,
именинитъ тѣло,
говорю вамъ:
мельчайшая пылинка живого
цѣннѣе всего, что я сдѣлаю и сдѣлалъ!

Слушайте!
Проповѣдуетъ,
мечась и стеля,
сегодняшняго дня крикогубый Заратустра!

Мы
съ лицомъ, какъ заспанная простыня,
съ губами обвисшими, какъ люстра,
мы,
каторжане города лепрозорія,
гдѣ золото и грязь изъязвили проказу,—
мы чище венеціанскаго лазорья,
морями и солнцами омытаго сразу!

Плевать, что нѣтъ
у Гомеровъ и Овидіевъ
людей, какъ мы,
отъ копоти въ оспѣ.
Я знаю—
солнце померкло бы, увидѣвъ
нашихъ душъ золотыя розсыпи!

Жилы и мускулы—просьбъ вѣрнѣй.
Намъ ли вымаливать милостей времени!
Мы—
каждый
держимъ въ своей пятернѣ
міровъ приводные ремни!

Это взвело на Голгоѣы аудиторій
Петрограда, Москвы, Одессы, Кіева,
и не было ни одного,
который
не кричалъ бы:
„Распни,
распни его!“

Но мнѣ—
люди,
и тѣ, что обидѣли—
вы мнѣ всего дороже и ближе.
Видѣли,
какъ собака бьющую руку лижетъ?!

Я,
обсмѣянный у сегодняшняго племени,
какъ длинный,

скабрзный анекдотъ,
вижу идущаго черезъ горы времени,
котораго не видитъ никто.

Гдѣ глазъ людей обрывается куцый
главой голодныхъ ордъ,
въ терновомъ вѣнцѣ революцій
грядетъ который-то годъ.

А я у васъ—его предтеча;
я—гдѣ боль, вездѣ;
на каждой каплѣ слезовой течи
распяль себя на крестѣ.

Уже ничего простить нельзя.
Я выжегъ души, гдѣ нѣжность растили.
Это труднѣе, чѣмъ взять
тысячу тысячъ Бастилій!

И, когда,
приходъ его
мятежомъ оглашая,
выйдете къ спасителю—
вамъ я
душу вытащу,
растопчу,
чтобъ большая?!
и окровавленную дамъ, какъ знамя.

III.

Ахъ зачѣмъ это,
откуда это
въ свѣтлое весело
грязныхъ кулачищъ замахъ!
Пришла,
голову отчаяніемъ занавѣсила
мысль о сумасшедшихъ домахъ.

И,—
какъ въ гибель дредноута
отъ душащихъ спазмъ
бросаются въ разинутый люкъ—
сквозь свой,
до крика разодранный, глазъ
лѣзь, обезумѣвъ, Бурлюкъ.

Почти окровавивъ изслезенныя вѣки
вылѣзь,
всталъ,
пошелъ,
и съ нѣжностью, неожиданной въ жирномъ человѣкѣ,
взялъ и сказалъ:
„Хорошо!“

Хорошо, когда въ желтую кофту
душа отъ осмотровъ укутана!

Хорошо,
 когда брошенный въ зубы эшафоту,
 крикнуть—
 „Пейте какао Ван-Гутена!“

И эту секунду
 бенгальскую
 громкую
 я ни на что бь не вымѣнялъ,
 я ни на _____

Изъ сигарнаго дыма,
 ликерною рюмкой,
 вытягивалось пропитое лицо Сѣверянина.

Какъ вы смѣете называться поэтомъ
 и, сѣренькій, чирикать, какъ перепелъ!
 Сегодня
 надо
 кастетомъ
 кроиться міру въ черепъ!

Вы,—
 безпокоенные мыслью одной—
 „изяшно пляшѣ ли“
 смотрите, какъ развлекаюсь
 я—
 площадной
 сутенеръ и карточный шулеръ!

Отъ васъ,
 которые влюбленностью мокли,
 отъ которыхъ

въ столѣтъя слеза лилась,
уйду я,
солнце моноклемъ
вставляю въ широко растопыренный глазъ.

Невѣроятно себя нарядивъ,
пойду по землѣ,
чтобъ нравился и жегся,
а впереди,
на цѣпочкѣ, Наполеона поведу, какъ мопса.

Вся земля поляжетъ женщиной,
заерзаетъ мясами, хотя отдаться;
вещи оживутъ—
губы вещицы
засюсюкаютъ:
„цаца, цаца, цаца!“

Вдругъ
и тучи,
и облачное прочее
подняло на небѣ невѣроятную качку,
какъ будто расходятся бѣлые рабочіе,
небу объявивъ озлобленную стачку.

Громъ изъ-за тучи, звѣрѣя, вылѣзъ,
громадныя ноздри задорно высморкалъ,
небѣе лицо секунду кривилось
суровой гримасой желѣзнаго Бисмарка.

Кто-то,
запутавшись въ облачныхъ путяхъ,
вытянулъ руки кафе,

будто по-женски,
нѣжный, какъ будто
и будто бы пушки лафеть.

Вы думаете—
это солнце нѣжненько
треплеть по щечкѣ кафе?
Это опять, разстрѣлять мятежниковъ,
грядеть генераль Галифе!

Выньте, гуляшіе, руки изъ брюкъ—
берите камень, ножъ или бомбу,
а если у котораго нѣту рукъ—
пришелъ чтобъ и бился лбомъ бы!

Идите, голодненькіе,
потненькіе,
покорненькіе,
закишіе въ блохастомъ грязненькѣ!
Идите!
Понедѣльники и вторники
окрасимъ кровью въ праздники!

Пускай землѣ подъ ножами припомнится,
кого хотѣла опошлить!
Землѣ,
обжирѣвшей, какъ любовница
которую вылюбилъ Ротшильдъ!

Чтобъ флаги трепались въ горячкѣ пальбы,
какъ у cadaго порядочнаго праздника—
выше вздымайте фонарные столбы

Изругивался,
 вымаливался,
 рѣзаль,
 лѣзь за кѣмъ-то
 вгрызаться въ бока.
 На небѣ, красный, какъ марсельеза,
 вздрагиваль, околѣвая, закатъ.

Уже сумасшествіе.
 Ничего не будетъ.
 Ночь придетъ,
 перекусить
 и съѣсть.
 Видите—
 небо опять іудить
 пригоршнюю обрызганныхъ предательствомъ звѣздъ?

Пришла.
 Пируетъ Мамаемъ,
 задомъ на городъ насѣвъ.
 Эту ночь глазами не проломаемъ
 черную, какъ Азефъ!

Ежусь, зашвырнувшись въ трактирные углы,
 виномъ обливаю душу и скатерть
 и вижу:
 въ углу глаза круглы,
 глазами въ сердца въѣлась _____

Чего одаривать по шаблону намалеванному
 сіяніемъ трактирную ораву!
 видишь _____

предпочитають Варавву?

Можетъ-быть, нарочно я
въ человѣчьемъ мѣсивѣ
лицомъ никого ни новѣй.

Я,
можетъ-быть,
самый красивый
изъ всѣхъ твоихъ сыновей.

Дай имъ,
заплѣснѣвшимъ въ радости,
скорой смерти времени,
чтобъ стали дѣти, должныя подрасти,
мальчики—отцы,
дѣвочки—забеременѣли.

Новымъ рожденнымъ дай обрасти
пытливой сѣдиной волхвовъ.
Придутъ они,—
будутъ дѣтей крестить
именами моихъ стиховъ.

Я, воспѣвающій машину и Англію,
можетъ-быть, просто,
въ самомъ обыкновенномъ евангеліи,
тринадцатый апостоль.

И когда мой голосъ
похабно ухааетъ—
отъ часа къ часу,
цѣлыя сутки,
можетъ быть, _____ нюхаетъ
моей души незабудки.

IV.

Марія! Марія! Марія!
Пусти Марія!
Я не могу на улицахъ!
Не хочешь?
Ждешь,
какъ щеки провалятся ямкою,
попробованный всѣми,
прѣсный,
я приду
и беззубо прошамкаю,
что сегодня я
„удивительно честный“.

Марія,
видишь—
я уже началъ сутулиться.

Въ улицахъ
люди жиръ продырявляютъ въ четырехэтажныхъ зобахъ,
высунуть глазки,
потертые въ сорокгодовой таскѣ,—
перехихикиваться,
что у меня въ зубахъ
опять!
черствая булка вчерашней ласки.

Дождь обрыдалъ тротуары,
лужами сжатый жуликъ,
мокрый, лижетъ улицъ забитый булыжникомъ трупъ;

а на сѣдыхъ рѣсницахъ—
 да!
 на рѣсницахъ морозныхъ сосулекъ
 слезы изъ глазъ—
 да!
 изъ опущенныхъ глазъ водосточныхъ трубъ.

Всѣхъ пѣшеходовъ морда дождя обсосала,
 а въ экипажахъ лощился за жирнымъ атлетомъ атлетъ;
 лопались люди,
 проѣвшись насквозь,—
 сочилось сквозь трещины сало,
 мутной рѣкой съ экипажей стекала,
 вмѣстѣ съ изсосанной булкой,
 жевѣтина старыхъ котлетъ.

Марія!
 Какъ въ зажирѣвшее ухо втиснуть имъ тихое слово?
 Птица
 подбирается пѣсней,
 поетъ,
 голодна и звонка;
 А я человѣкъ, Марія,
 простой,
 выхарканный чахоточной ночью въ грязную руку Прѣсни.
 Марія, хочешь такого?
 Пусти, Марія!
 Судорогой пальцевъ зажму я желѣзное горло звонка!

Марія!
 Звѣрѣютъ улицъ выгоны,
 на шеѣ ссадиной пальцы давки.
 Открой!

Больно!

Видишь—натыканы

въ глаза изъ дамскихъ шляпъ булавки!

Пустила.

Дѣтка!

Не бойся,

что у меня на шеѣ воловьею

потноживотыя женщины мокрой горою сидятъ:

это сквозь жизнь я ташу

милліоны огромныхъ чистыхъ любовей

и милліонъ милліоновъ маленькихъ грязныхъ любятъ.

Не бойся,

что снова,

въ измѣны ненастье,

прильну я къ тысячамъ хорошенькихъ лицъ—

„любящія Маяковского“!

да вѣдь это жъ династія

на сердце сумасшедшаго зашедшихъ царицъ.

Марія, ближе!

Въ раздѣтомъ безстыдствѣ,

въ боящейся дрожи ли,

но дай твоихъ губъ неисцвѣтшую прелесть;

я съ сердцемъ ни разу до мая не дожили,

а въ прожитой жизни

лишь сотый апрѣль есть.

Марія!

поэтъ сонеты поетъ Тіанъ,

а я, —
 весь изъ мяса,
 человѣкъ весь —
 тѣло твое просто прошу,

Марія — дай!

Марія!
 Имя твое я боюсь забыть,
 какъ поэтъ боится забыть
 какое-то,
 въ мукахъ ночей
 рожденное слово,
 величіемъ равное —
 Тѣло твое
 я буду беречь и любить,
 какъ солдатъ,
 обрубленный войною,
 ненужный,
 ничей,
 бережетъ свою единственную ногу.

Марія —
 не хочешь?
 Не хочешь!
 Ха!

Значить — опять
 темно и понурс
 сердце возьму,

слезами окапавъ,
нести,
какъ собака,
которая въ конуру
несетъ
переѣханную поѣздомъ лапу.

Кровью сердца дорогу радую,
липнетъ цвѣтами пыли кителя.
Тысячу разъ опляшетъ Иродіадой
солнце землю—

И когда
мое количество лѣтъ
выпляшетъ до конца—
милліономъ кровинокъ устелется слѣдъ
дому моего отца.

Вылѣзу
грязный (отъ ночевокъ въ канавахъ),
стану бокъ о бокъ,
наклонюсь
и скажу вамъ на ухо:
Послушайте—!

Какъ вамъ не скушно
въ облачный кисель
ежедневно обмакивать раздобрѣвшіе глаза?
Давайте,—знаете—
устроимте карусель
на деревѣ изученія добра и зла!

—— ты будешь въ каждомъ шкапу
и вина такія разставимъ по столу,
чтобъ захотѣлось пройтись въ ки-ка-пу
хмурому _____

прикажи,—
сегодня ночью жъ
со всѣхъ бульваровъ красивѣйшихъ дѣвочекъ
я наташу къ тебѣ.
Хочешь?

Не хочешь?
Мотаешь головою, кудластый?
Супишь сѣдую бровь?
Ты думаешь
этотъ,
за тобою _____
знаетъ, что такое любовь?
—— я былъ имъ—
сахарнымъ барашкомъ выглядывалъ въ глазъ,
но больше не хочу дарить кобыламъ
изъ севрской муки изваянныхъ вазъ.

—— ты выдумалъ пару рукъ,
сдѣлалъ,
чтобъ у каждаго была голова.—
отчего ты не выдумалъ,
чтобъ было безъ мукъ
цѣловать, цѣловать, цѣловать?!

видишь, я нагибаюсь,

изъ-за голенища
достаю сапожный ножикъ.

отсюда до Аляски.

Пустите!
Меня не остановите.
Вру я,
въ правъ ли,
но я не могу быть спокойнѣй.

Смотрите—
звѣзды опять обезглавили
и небо окровавили бойней!
Эй вы!
Небо!
Снимите шляпу!
Я иду!

Глухо.

Вселенная спить,
положивъ на лапу
съ клещами звѣздъ громадное ухо.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
I. Ко всей книгѣ	3
II. Я	9
По мостовой	11
Нѣсколько словъ о моей женѣ	12
Нѣсколько словъ о моей мамѣ	13
Нѣсколько словъ обо мнѣ самомъ	14
III. Кричу кирпичу	15
Послушайте	17
Адище города	18
Отъ усталости	19
А все-таки	20
Любовь	21
Гимнъ здоровью	22
Вывѣскамъ	23
За женщиной	24
Кое-что про Петроградъ	25
Еще Петроградъ	26
Театры	27
Портъ	28
Утро	29
Ночь	31
Изъ улицы въ улицу	32
Вотъ такъ я сдѣлался собакой	34
Ничего не понимаютъ	36
Кое-что по поводу дирижера	37
Нате!	38
Чудовищныя похороны	39
А вы могли бы?	41
Судья	42

	стр.
Мы	44
Шумики, шумы и шумиши	45
Кофта фата	46
Скрипка и немножко нервно	47
IV. Великолѣпныя нелѣпости	49
Война объявлена	51
Мама и убитый нѣмцами вечеръ	52
Я и Наполеонъ	54
Великолѣпныя нелѣпости	58
V. Владиміръ Маяковскій	61
VI. Облако въ штанахъ	85